



УДК 94(571.53)

Миссионерская деятельность первых иркутских епископов

А. П. Санников

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается миссионерская деятельность православного духовенства в Восточной Сибири. Выделяются трудности и проблемы, с которыми приходилось сталкиваться в ходе христианизации коренного населения. Показана роль первых иркутских епископов (Иннокентия Кульчицкого, Иннокентия Неруновича, Софрония Кристалевского, Михаила Миткевича) в этом процессе. Особое внимание обращено на изменение требований, предъявляемых архиереями в ходе христианизации.

Ключевые слова: Православная церковь, Восточная Сибирь, Иркутская епархия, православное духовенство, миссионерство, проповедническая деятельность.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. Восточная Сибирь и Дальний Восток вошли в орбиту российской государственности. Однако чтобы сделать этот край русским, оказалось недостаточно построить остроги, завести пашни и сформировать местную администрацию. Необходимо было развернуть миссионерскую деятельность среди коренного населения и привести их в лоно православия.

На этом пути стояли серьезные препятствия. Первым из них стало негативное отношение к русским из-за систематического ограбления ими местного населения. Ясачные сборщики, приказчики и воеводы, будучи максимально удаленными от центральной власти, имели для этого неограниченные возможности. Яркий пример тому деятельность воевод Якутска – одного из форпостов освоения Восточной Сибири. Первый воевода Головин прибавил налоги якутам, бил кнутом, ясак и поминки прибавил вчетверо, приезжающих с ясаком якутов и князцов на морозе морил и давал им есть гнилую рыбу. У бедных якутов отобрал вместо ясака весь скот. Повесил 23 лучших якутов и аманатов, других подверг кнуту и уже мертвых повесил. Воевода Пушкин также отличался взяточничеством и присваиванием казенных соболей и ясака, избивал батогами до полусмерти. Воевода Лодыженский с дьяком Тонково «государевой казней корыстовались и русским в остроге и ясачным чинили налоги великие, брали посулы многие, деньги, соболи, рухдядь и это все высылали на Русь». Воевода Барнешлев «жил забыв страх божий, не помня государева Крестнаго целования; с своими ушкуйниками воровал и ворах потакал, город разорил». При нем особенно отличались жестокостью и вымогательством ясачные сборщики. В 1715 г. на Камчатке казаками был смещен с должности приказчика и посажен под арест А. Петриловский. После ареста у

него было обнаружено 5669 соболей, 1703 лисицы, 169 выдр, 297 каланов и огромное количество меховой одежды [2, с. 75; 3, с. 145]. По свидетельству С. П. Крашенинникова, это количество превышало ясачную казну, собранную за два года со всей Камчатки двумя приказчиками, убитыми в 1711 г. [4, с. 490]. Иркутский вице-губернатор Алексей Петрович Жолобов за свое трехлетнее пребывание в должности сумел правдами и неправдами нажить почти 35 тыс. руб. Своих противников, а среди них были чиновники, торговые люди, ясачные, он «пытал безвинно и при пытках жег огнем».

Аборигены не понимали, что действия сибирских администраторов не санкционированы далеким от них московским царем и что на них можно жаловаться и искать справедливости.

Сдерживали миссионерство малочисленность сибирского духовенства и его недостаточная профессиональная подготовленность. Духовных лиц, направленных из Европейской России, оказалось крайне недостаточно. Духовные школы не могли заполнить все вакантные церковные места. Сформированное из разных социальных групп (казачьих попов, переходящих священников, «разстриг», ссыльного духовенства, выходцев из иных социальных групп), сибирское духовенство с трудом могло удовлетворить духовные потребности русского населения, не говоря уже об аборигенах.

Сложными для понимания инородцев оказались многие православные таинства и каноны. Представители коренных народов, привыкшие почитать своих предков, обожествлять силы природы, поклоняться духам, вести свое происхождение от мифологических животных-прародителей (орла, медведя и т. д.), с большим трудом представляли себе догмат о Пресвятой Троице, не понимали рассказов о Палестине или Иордане и иные библейские сюжеты, не посещали исповедь и причастие.

Сложным для них был православный календарь, не сочетавшийся с их традиционным укладом жизни. Так, священник Верхневилуйского зимовья Григорий Наговицын отмечал, что «за неимением у них (якутов. – А. С.) умеющих грамоте людей праздничных и воскресных дней знать не могут» и к церкви на службы не приходят [11, л. 1].

Другим препятствием становилась разбросанность поселений и стойбищ коренного населения. Священникам порой приходилось преодолевать сотни верст во время пастырских поездок. Например, в 1773 г. в Иркутскую духовную консисторию обратились 360 новокрещенных якутов с просьбой определить их в приход какой-либо церкви. Их поселения находились на расстоянии от Якутска в 285 верст, от Олекминской церкви – в 275 верст, а от Витимской церкви – в 300 верст [7, л. 16]. «За дальностию разстояния» священники отказывались выезжать к ним с требами. Впоследствии новокрещенных якутов приписали к учрежденному приходу Кангаласской Покровской церкви, но и до этого храма путь был неблизким – 72 версты.

Серьезным препятствием для миссионерской деятельности являлся языковой барьер. Многие миссионеры вели проповеди через переводчика, что не способствовало установлению откровенного общения. Для коренного населения службы оказывались недоступными для понимания, поскольку они не

знали русского языка. Так, иркутский епископ Михаил Миткевич в 1775 г. сообщал в Синод, что назначенный в 1765 г. проповедником по Иркутскому, Нерчинскому и Селенгинскому заказам игумен Иоиль «по незнанию языка обретающихся по тем местам братских и тунгусов для переводу им проповеди слова божия за неимением к тому из церковнопричетников их язык знающих принужден в проезде своем по их жилищам брать из простых русских мужиков в толмачи которые отчасти их разговор знают. А как оные будучи неученные российской грамоте следовательно и незнающие православной церкви догматов в переводе своем христианского тем иноверцам увещания и учения в точном разуме изъяснять находятся не в состоянии, то от сего самого проповедь и обращение происходят без желаемого успеха» [12, л. 1].

Решить многие из этих проблем, по мнению властей, должно было учреждение самостоятельной Иркутской епархии. Епархия была учреждена 15 января 1727 г. Ее первым главой стал Иннокентий Кульчицкий. Он отличался скромностью, терпением, трудолюбием и добротой. Возглавив епархию, Иннокентий особое внимание обратил на вопросы нравственности. Хотя его деятельность во главе епархии была непродолжительной, он сумел заслужить уважение и признательность сибиряков. Еще до официальной канонизации и признания святым жители края имели в домах иконы с его изображением.

Иннокентий Кульчицкий рекомендовал священникам заняться «просвещением крещением инородцев». Он подчеркивал, что крещение должно совершаться добровольно и осознанно. Число крестившихся инородцев в это время было невелико, не более 3–5 человек в год на приход.

Святитель и сам занимался миссионерской деятельностью. Проживая в Забайкалье, он изучал быт и обычаи бурят, проводил с ними беседы. Каждому пожелавшему креститься дарил подарок: нательный крест или икону. Многие из икон были написаны святителем. В Харацайскую Вознесенскую церковь он подарил серебряное кадило после крещения местных бурят.

Огромный вклад в развитие миссионерской деятельности внес епископ Иннокентий Нерунович. Еще находясь в Москве, он подготовил проект христианизации язычников. Епископ планировал организовать подготовку переводчиков, контролировать соблюдение льгот для новокрещеных, устроить для них школы. Однако поддержки у местных властей и правительства не нашел.

В 1734–1735 гг. епископ посетил Забайкалье, в 1735 г. и 1741–1743 гг. совершил пастырские визиты в Якутию, где особое внимание уделил миссионерской деятельности. Так, за период с 5 июля по 24 августа 1735 г. в Якутии им было крещено 64 человека. Всего же за время своего управления епархией ему удалось крестить более 500 человек [8, с. 47]. Поездки по епархии впоследствии совершали и другие епископы, но добиться таких результатов им не удалось.

Самым действенным механизмом христианизации оказалась выдача новокрещенным «билета для льготы по ясачному сбору». Он был введен в 1724 г. совместным постановлением Синода и Сената и освобождал на 3–5 лет от выплаты ясака. Это заметно оживило миссионерскую деятельность. Однако во время поездок по епархии епископ Иннокентий Нерунович установил, что «от иркутской провинциальной канцелярии льгота мало кому чинится, но и по

крещении их иноземцов ясачные сборщики паки на них ясак по прежнему неослабно правят не давши льготы, и к тому берут с них и себе за труды по некоторому числу деньгами и протчим чем можно якобы в презент» [10, л. 871]. Об этом он в 1736 г. сообщил в Сенат, но реальных мер принято не было.

Другим стимулом являлись подарки для новокрещеных. В 1740 г. епископ Иннокентий Нерунович сообщал в Синод о христианизации местного населения: «Для лутчей же им охоты в привождении во христианство... покупал им из своего иждивения кресты по рангу смотря серебряные, шил платья, рубахи, порты, камзолы, кафтаны, шубы. И которые в их идоляторстве главные яко шаманы, т. е. волшебники, ламы, или по их злочестию попы, и учителя тайши, зайсаны, шоленги, князья тем камчатные и суконные либерей из добраго сукна и из хороших камчатых материй чинены были и бывають, а подлым же рубахи с порты, камзолы и кафтаны китайские и сермяжные даются. Також де и пища не престанная, пока оные при доме моем обретаются. На что как деньгами, одеянием и пищею выходит немалая сумма, а я взять не имею откуда» [10, л. 893].

Епископ отмечал, что «не подарив же ни чем и неудоволив их то и ко крещению нейдут... Понеже здешной иноземческой народ весьма грубой и обычай имеет зверской. И аще оные не лаской и потешением каковых либо подарков от одеяния или от пищи и пития неудоволятся, то их в лесах и на степях невозможно и сыскать на разговор и ко крещению привлекать» [10, л. 894].

Еще одним методом христианизации стала договоренность с родовой верхушкой. После принятия православия местным «князьцом» ко крещению приходили и все остальные родовичи. Первым в Восточной Сибири стало крещение эвенкийского князя Гантимура. Еще до прихода русских он управлял улусами по р. Нерче, в 1651 г. принял русское подданство вместе с 500 родовичами, чем вызвал недовольство цинской династии, представители которой добивались его выдачи Китаю. В 1675 г. посол России в Китай Н. Спафарий убедил князя, что его никогда не выдадут Цинам [14, с. 70]. В 1682 г. Гантимур крестился. «Послухом» у него при крещении был воевода Иван Власов, а после крещения Гантимур получил имя Петр. Со всего рода Гантимуровых было приказано не брать ясака [2, с. 5–6]. Известно, что один из представителей князей Гантимуровых был взят на обучение в Селенгинский Троицкий монастырь, принял монашество под именем Трифиллия и в дальнейшем неоднократно выезжал в Китай в составе российских посольств.

Летом 1734 г. епископ Иннокентий Нерунович во время поездки в Забайкалье крестил Цицена Цохниева, представителя знатного рода зайсана Хатшеева. При крещении последний получил имя Петра Ивановича Нерунова и по настоянию владыки был объявлен тайшею Хатыгинова рода. После этого большинство родовичей приняли крещение, а место их проживания стало именоваться Неруновским поселением.

В 1799 г. выразил свое желание принять крещение князец Кангаласского улуса Тепеян Белин, проживавший в 80 верстах от Якутска. В 1800 г. крещение состоялось. Вместе с князьцом православие приняли 114 его родовичей [13, л. 1, 8].

Для многих инородцев принятие крещения делало невозможным возврат к прежней жизни. Они выделялись из своей социальной среды и могли существовать только при поддержке местных властей. Поэтому, при наличии возможностей, новокрещеных принимали на государственную службу или переводили на поселение в русские села. Иногда родовичи относились к новокрещеным враждебно и разрывали с ними все связи. В 1736 г. бурят Хува Моторов писал епископу Иннокентию Неруновичу: «Будучи я на Бусее речке близ Балаганска снарядился было ехать в Иркутск до вашего преосвященства с женою своею для восприятия христианской православной веры... и приехал ко мне из Балаганского острогу братской Махуя Ясыкбев да с ним русской человек денщик Еким... и меня в доме не прилучилось и бранили они меня всякою бранью, а сына моего новокрещеного Михайла оные Махуя и русской человек связав руки и ноги били и топтали насмерть и жену бранили же и запрещает креститься мне... а по битии того сына моего Михайла связанного бросили на коня також де и жену мою и увезли без меня насильно, а онаго Махуя Ясыкбева для того увозу и битья прислал ко мне готольского роду Хадай Жербаев, да онгойского роду Тобехан Лалгов шуленги да толмач балаганского острогу служилой Петр Евдокимов и от того намерения нам ко крещению ныне препятствие учинилось» [10, л. 883–883 об.].

Другой «братской» Мартын Хубин сообщал: «По желанию моему пришел я к вашему преосвященству по молитве во святую православную греческого исповедания веру в которую со мною желает окреститься отец мой и мать и братия всего пять человек... И после оногo желания ушла от мене оная моя жена Бичихан к показанному своему отцу в дом, а отец ея мне возвратно и не отдает неведомо зачем и препятствие ей креститься а у меня за означенную мою жену дано прежде оному отцу Хадану Багаеву скотом 100 голов быками коровами коньми и овцами к тому ж с ней жил я 7 лет и были прижиты дети» [10, л. 890–890 об.].

Епископ Иннокентий Нерунович сообщал в Синод, что «некоторые иноземцы крестятся пообещают жену свою и дом привести во христианство за которых прежде по их обычаям отцам тех своих жен давали калыму якобы купили их скотом всяким по некоторым числу и по крещении мужей отцы своих дочерей а тех окрестившихся жен еще некрещенных берут паки к себе и им мужьям для крещения в православную веру не отдают» [10, л. 881–881 об.]. Однако оказать действенную помощь епархиальные власти не могли, а иркутская провинциальная канцелярия, не желая ссориться с местной знатью, в подобные дела не вмешивалась.

Епископ Иннокентий Нерунович всегда отмечал священников, занимавшихся миссионерством. Например, в 1734 г. священник Братского острога Никифор Иванов крестил «9 лиц тунгусского рода» – двух мужчин и семь женщин. По указу епископа Иннокентия Неруновича ему объявили благодарность, а новокрещеных освободили от выплаты венечных и лазаретных денег [5, с. 44].

Смерть епископа в 1747 г. и длительное отсутствие главы Иркутской епархии привели к свертыванию миссионерской деятельности. В большинстве приходо-в это время христианизация не велась. Она заметно активизирована-

лась при епископе Софронии Кристалевском. Однако новый архиерей изменил практику христианизации. Если его предшественники непосредственно занимались миссионерством, особенно во время своих поездок по епархии, то Софроний переложил основную обязанность на церкви и монастыри.

1 февраля 1769 г. он потребовал: «...чтобы священники живущих близ парохии их идоляторов всемерно старались по Апостольской заповеди обращать и просвещать святым крещением в Грекороссийскую Православную веру; ибо де в некоторых местах за помощью Божию самым делом и исполняется, но в протчих видно, что почти от единой лености и небрежения к такому о приведении оных из заблуждения в Богопознание душ священники не прилежат, но только репортуют, что в такой-то половине года в парохии их никто крещено идоляторов не было» [6, с. 524].

Для контроля за христианизацией епископ ввел особые «Реэстры о новокрещенных». В них заносились все крестившиеся в данном приходе инородцы за год. Каждый священник был обязан ежегодно отчитываться перед заказчиком о числе новокрещенных в своем приходе, а заказчик – предоставлять епископу сводные данные по духовному правлению. Введение этих форм привело к погоне за количеством новокрещенных.

Особую роль в христианизации коренного населения должны были сыграть особо назначенные проповедники. 23 января 1763 г. императрицей Екатериной II был подписан указ об учреждении в ряде епархий должностей проповедников. В 1764 г. Сенат подготовил подробное определение по каждой епархии, с указанием числа должностей и размера содержания. Для Иркутской епархии было выделено две должности, с годовым содержанием по 150 руб. По решению Иркутской консистории одному из проповедников передавалась территория Якутского края, другому – оставшаяся часть епархии.

Многое зависело от личности миссионеров. Так, священник Николаевской церкви Верхневилуйского зимовья Григорий Андреевич Наговицын не только постоянно выезжал с пастырскими визитами, невзирая на морозы и распутицу, но и заботился о якутах. Он привозил им небольшие подарки, обеспечивал иконами и даже просил архиерея об открытии школы. Священник отличался бескорыстием и преданностью своему делу. «Он, как сказано в указе консистории, был трудолюбив, прилежен, немало якутских инородцев обратил в христианство и уже священствует свыше 20 лет» [9, с. 86]. За период своего церковного служения ему удалось убедить принять православие около 5 тыс. инородцев. Другой якутский протоиерей, занимаясь миссионерством, «брал всем, чем только можно было: деньгами, мехами, яйцами, маслом, но в важных случаях исключительно золотою монетою».

Новый подход к христианизации предложил епископ Михаил Миткевич. Он отказался от поспешной христианизации и не оказывал давления на приходских священников. 26 июля 1778 г. он издал предписание, гласившее: «Некоторый Иркутской епархии священник пришедшую к нему крещеную уже прежде назвавшуюся некрещенной обманом братских женку без всякого о ней разведывания необучившие ее молитвам и святой веры вторично оную крестил... Подтверждаем указом, чтоб священник крестить желающих не

спешил, но разведал бы, не были ли крещены прежде, и обучал бы молитвам и святой веры. Ежели сего исполняемо не будет, то за сие они священники лишены будут своих чинов» [1, л. 11–11 об.]. Епископ призывал приходское духовенство тщательно готовить человека к принятию новой веры.

Основной задачей он считал подготовку новых кадров для церковного служения. Для этого Михаил Миткевич добился открытия в Иркутске духовной семинарии. По его мнению, образованные семинаристы должны будут принести «свет истинной веры для инородцев» и в дальнейшем стать главной движущей силой миссионерской деятельности.

Список литературы

1. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 275. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–11 об.
2. Дулов А. В. Взаимоотношения православной церкви с другими конфессиями Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. / А. В. Дулов // Церковь и государство: история и современность : материалы науч. конф. – Иркутск : Репроцентр, 2005. – С. 3–22.
3. Дулов А. В. Эволюция верований народов Восточной Сибири в XVII – начале XX в. / А. В. Дулов // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие. – Иркутск : Анонс, 2005. – С. 11–23.
4. Дулов А. В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX в. В 2 т. Т. 1 / А. В. Дулов; А. П. Санников. – Иркутск : СибПолиграфСервис, 2006. – 294 с.
5. ИЕВ (Иркутские епархиальные ведомости). – Прибавления. – 1866.
6. ИЕВ. – Прибавления. – 1874.
7. НАРС(Я) (Национальный архив Республики Саха Якутия). Ф. 228-и. Оп. 1. Д. 4.
8. Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX в. / О. Е. Наумова. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996. – 205 с.
9. Попов Г. А. Сочинения. Т. 1. История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области. Очерки истории Якутии / Г. А. Попов. – Якутск : ЯГУ; ИГИ АН РС(Я), 2005. – 280 с.
10. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 14. Кн. 796.
11. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796 (Синод и его учреждения). Оп. 39. Д. 40.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 56. Д. 498.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 81. Д. 431.
14. Щебеньков В. Г. Русско-китайские отношения в XVII в. / В. Г. Щебеньков. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 240 с.

Missionary Activities of the First Irkutsk Bishops

A. P. Sannikov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the missionary activities of the Orthodox clergy in Eastern Siberia. Difficulties and challenges faced with in the course of Christianization are highlighted. The role of first Irkutsk bishops in this process is shown. Special attention is paid to

the change of requirements applied to the bishops in the course of Christianization and their role in this process.

Keywords: Orthodox Church, Eastern Siberia, Diocese of Irkutsk, Orthodox clergy, missionary activities, preaching activities.

Санников Александр Павлович

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России,
исторический факультет*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-05-22
e-mail: aps.72@mail.ru*

Sannikov Aleksandr Pavlovich

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of History of Russia,
Faculty of History*

*Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24-05-22
e-mail: aps.72@mail.ru*